Георгій Евангуловъ

Бѣлый духанъ

Парижъ
1921

Рисунокъ на обложкѣ худ. Di Lado.
Книга отпечатана въ Типографіи
« Франко - Русская Печать »
216, Boulevard Raspail, Paris

ГЕОРГІЙ ЕВАНГУЛОВЪ.

БѢЛЫЙ ДУХАНЪ

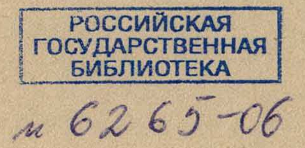
Изданіе
Палаты Поэтовъ
Парижъ.
1921.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

БАРОНЪ ВЪ ЗАПЛАТАННЫХЪ ШТАНАХЪ, Поэма. Тифлисъ, 1918.

ВТОРОЕ СЕРДЦЕ, Книга стиховъ. Тифлисъ 1920.

НОЕВЪ КОВЧЕГЪ, Повѣсть. Владикавказъ, 1920.

ДѢТСТВО

Отрывки изъ поэмы

ГЛАВА I

I

Теперь я понялъ, я въ неволѣ.
Насильно къ штатскому привыкъ.
Сжимаетъ горло мнѣ до боли
Тугой крахмальный воротникъ.

И прадѣдовъ былыя чары
Изъ тьмы вѣковъ воскресли вдругъ,
Когда носили шаровары
И шелковый архалукъ.

Безъ шапокъ важно щеголяли
И бѣдные, и богачи,
И грудь и шею подставляли
Подъ солнечные лучи

И пѣли, и смѣялись громко,
Впивали жизни сокъ до дна,
А я иною жизнью скомканъ
Пьянѣю отъ глотка вина.

II

Въ тѣ дни еще не знали танго,
Но что тогда былъ за разгулъ!
Баяномъ слылъ царя Вахтанга
Мой дальній прадѣдъ Евангулъ.

Онъ воспѣвалъ царицъ рѣсницы,
Про бѣдность пѣлъ онъ богачамъ,
И блѣднолицыя царицы
О немъ вздыхали по ночамъ.

А я родился слишкомъ поздно —
Кипитъ вино въ моей крови:
Въ годины катастрофъ и козней
Какъ встарь звучатъ слова любви.

И прадѣда разгульный даръ
Въ моихъ стихахъ разставилъ сѣти —
И въ галстухѣ, безъ шароваръ
Гляжу назадъ, во мглу столѣтій.

III

И вижу, будто бы во снѣ,
Какъ юноша лихой и ловкій
На неосѣдланномъ конѣ
Я тренируюсь въ джигитовкѣ.

Ружье кремневое въ рукѣ,
И по утоптанной тропинкѣ
Среди ущелій налегкѣ,
Скачу и изгибаюсь гибко.

И кличу кличъ гортанный, бранный,
Мечты о битвахъ въ головѣ,
А тамъ, на шелковой травѣ
Пасутся жирные бараны.

А вечеромъ подъ сѣнь чинары
Толпу сзоветъ глухой набатъ,
И подъ удары сазандарія
Идетъ кавказская борьба.

А дѣвушки — стыдливо горды —
Подъ шаль скрываютъ смуглость рукъ.
Какъ яблоки ихъ груди тверды —
Вотъ выпрыгнутъ изъ блузокъ вдругъ...

IV

Все помню я черезъ столѣтья
И прошлому гляжу въ лицо...
О, родина моихъ отцовъ,
Далекая моя Кахетія.

Твое мнѣ имя душу грѣетъ
И вспоминать тебя я радъ,
Въ твоихъ садахъ зеленыхъ зрѣетъ
Пахучій, черный виноградъ.

Ай, отъ Тифлиса путь не длинный
Въ любимые сады мои!
Чрезъ Алазанскую долину
Рѣка, какъ чешуя змѣи

Скользитъ, катится до Телава,
Тамъ дѣдовъ призрачная слава
Хранима на стѣнахъ церквей,
Тамъ, въ колыбели юныхъ дней
Сложилась первая октава...

V

Вся жизнь моя — одно видѣніе,
Одинъ огромный, свѣтлый день.
И каждый часъ, и каждый звукъ
Запечатлѣнъ въ моемъ мозгу.

Я помню первый день рожденья,
Изъ тьмы нѣмой освобожденье
Какъ отъ безвѣстности веригъ,
И первый свѣтъ, и первый крикъ.

Я помню первый звукъ мой «ма!»
Онъ, повторенный, вышелъ: ма-ма!
Я ничего не понималъ,
Но повторялъ слова упрямо.
Когда жъ мнѣ минулъ годъ одинъ
И я ступилъ ногами на полъ,
Мнѣ былъ представленъ господинъ,
Который назывался: папа.

VI

И началось мое знакомство...
Собаки, кошки, пѣнье птицъ,
И поваръ нашъ, и просто гостьи,
И вѣеръ, маминыхъ рѣсницъ
И много милыхъ, милыхъ лицъ.

Весь міръ огромный и чудесный
Въ моемъ мозгу былъ отраженъ,
И южнымъ солнцемъ обожженному
Быть одному мнѣ было тѣсно —
И первою моей невѣстой,
Которой первой отдалъ душу,
Была дочь повара Маргуша.

VII

Ея глаза какъ двѣ звѣзды.
И съ нихъ не отводилъ я взора:
Какъ темно-синія озера —
Я до сихъ поръ къ нимъ не остылъ —
Глаза Аленушки въ картинѣ
На маленькомъ столѣ въ гостиной.

Когда-же спать хотѣлось куклѣ,
То мы вдвоемъ чуть слышно пѣли,
Укладывая въ колыбель,
Какъ взрослые ее баюкая.

Я ей разсказывалъ тѣ сказки,
Что слышалъ самъ отъ нашей няни,
И изнывалъ отъ жажды ласки,
Отъ близости ея дыханья.

VIII

Кудрявымъ мальчикомъ я росъ,
Съ воображеньемъ неустаннымъ.
Я помню первый свой вопросъ,
Волнующій и полный тайны.

Однажды ночью рѣзкій крикъ
Вдругъ въ дѣтскую мою проникъ.
Проснулся я и зарыдалъ:
То голосъ мамы — я узналъ.

А утромъ въ дѣтскую растерянъ
Вошелъ отецъ, и я былъ радъ
Пройти съ нимъ въ спальню не напрасно.
Тамъ рядомъ съ мамой на постели
Въ пеленкахъ весь, блестящій, красный
И крохотный лежалъ мой братъ.

IX

И захотѣлось знать — откуда
Онъ въ эту ночь произошелъ?
Какая власть, какое чудо,
Кто создалъ міръ такъ хорошо,
Что къ мамѣ, къ папѣ и къ Маргушѣ
Прибавился еще мой братъ.
Кто былъ во всемъ тутъ виноватъ —
Кого спросить, кого послушать?
Вѣдь любопытство не потухнетъ...

И вотъ однажды въ теплой кухнѣ
Нашъ рыжій поваръ Илико
Довольно просто и легко
Все объяснилъ, что я хотѣлъ.
Онъ разсказалъ мнѣ, увлекаясь:
На берегъ Алазанки аистъ
Выноситъ маленькихъ дѣтей.

ГЛАВА II

I

Я помню вѣтра гулъ глухой
Въ пастяхъ оскаленныхъ ущелiй,
И стонъ качающихся елей,
И зовъ далекихъ пастуховъ.

И эхо, дикихъ горъ утѣху,
Когда нежданно въ злой ночи
Страданья крикъ раскатомъ смѣха
По волѣ эха прозвучитъ.

Удары грома въ день осеннiй
И мѣсячныхъ дождей разгулъ,
И отдаленный, пьяный гулъ
Мгновеннаго землятресенья.

II

А послѣ бурь — кладбище горнее:
Вывороченные корни

Какъ-бы отъ боли и отъ муки
Простершія въ воздухъ руки...

Земля сдираетъ свой покровъ,
Одно желаніе насъ точитъ,
И каждый ручеекъ, какъ кровь
Въ моихъ артеріяхъ клокочетъ.

Въ моихъ ладоняхъ жаръ земли,
Прозрачная на пальцахъ кожа,
И сколько тѣлъ изнемогли
Моими ласками встревоженныя...

III

И сколько разъ во мглу ночей
Я уходилъ одинъ въ духаны,
И звалъ залетныхъ зурначей,
И слушалъ пѣснь благоуханную.

Подъ бѣшеные свисты бури,
Накинувъ бурку и башлыкъ,
Слѣдилъ, какъ шумно на шампурѣ
Шипѣлъ барашковый шашлыкъ.

А за духаномъ, тамъ въ ночи
Въ горахъ невѣрный выстрѣлъ щелкалъ.
Какъ паруса надувши щеки
Въ дуду дудѣли зурначи.

IV

Я уходилъ, а вѣтеръ хлопалъ
И рвалъ духанъ, къ землѣ креня.

На карабахскаго коня
Я вскакивалъ и галопомъ
Не зная самъ куда — скакалъ.
И звонкія звенѣли скалы,
И въ темной ночи лошадь всѣ
Препятствія брала и ржала,
И подъ подковами дрожало
И гнулось гулкое шоссе.

V

Я возвращался поздней ночью.
На всякій случай свой отточенный
Серебряный держа кинжалъ
Я утомленный, томный, сонный,
Гремя желѣзными засовами
Коня въ конюшню запиралъ.

Хозяинъ часто былъ разбуженъ
Ночною прихотью гостей.
Онъ подалъ мнѣ холодный ужинъ
И теплую постлалъ постель.

А съ потолка свѣтъ падалъ тусклый.
Я раздѣвался... каждый мускулъ
Усталостью былъ опоенъ.
И все бранился старый дьяволъ,
А шерстяныя одѣяла
Медовый обѣщали сонъ.

Константинополь—Парижъ

1921.

КИНТО

На Головинскомъ, средь живого
Потока штатскихъ и манто
Люблю встрѣчать его, здороваго,
И съ бронзовымъ лицомъ кинто.

Съ букетомъ розъ или фіалокъ
Вотъ онъ нырнетъ среди толпы!
Его нарядъ и простъ и ярокъ,
Въ его акцентѣ — жаркій пылъ.

Кто бъ ни былъ онъ — всегда онъ молодъ,
Одѣтъ онъ наспѣхъ, какъ нибудь:
Откинутъ настежь красный воротъ,
Подъ солнцемъ загорѣла грудь.

Словечки модныя такъ важно
Всегда перенимать онъ радъ,
Когда онъ запоетъ протяжно:
Ай, дэкадентскій виноградъ!

А вотъ онъ пьянъ... Въ угарномъ стонѣ
Журчитъ органъ а л л а в е р д ы...
Кути, кинто! И въ фаэтонѣ
Лети въ Верійскіе сады!

И въ сазандарія ударахъ
Свою печаль тамъ отведи,
Съ платкомъ въ рукѣ и въ шароварахъ
Кругъ к и н т а у р и обойди!

Подъ гулкій тостъ «Любовь и братство»
Пей, опьяняйся до утра!
На черный день вѣдь есть богатство:
Твой поясъ — онъ изъ серебра...

Хмѣльной, въ исканьи безконечномъ,
Влюбленный въ то, что только мигъ.
Въ кинто свободномъ и безпечномъ
Я вижу, вижу свой двойникъ...

Кисловодскъ
1914.

ПРОДАВЕЦЪ КОВРОВЪ

Пересѣкая пустыни Персіи,
Глотая лишь пыль да рисъ,
Съ цвѣтными коврами да съ пѣснями
На базаръ пріѣзжаю въ Тифлисъ.

Ай, верблюдъ совсѣмъ не лисица —
Не бѣжитъ какъ быстрохвостая!
Ай, коверъ хорошій, персидскій!
Отъ сорока рублей до ста!

Коверъ узоромъ унизанъ,
Будто вылизанъ — такъ блеститъ!
Въ каравансараяхъ Тавриза
Хозяинъ по немъ груститъ.

А вотъ ковры дороже:
Текинскіе ковры!
У нихъ рисунки строже,
Вотъ разверну — смотри!

Коснись — они нѣжны,
И отливаетъ ворсъ,

Какъ бархатный твой голосъ,
Какъ глазъ твоей жены.

Прости, душа татарскій,
Что въ твой забрелъ я дворъ.
Дешевый фераганскій
Я продаю коверъ!

Ай, рѣдкіе, за грошъ я
Отдамъ и пѣснь спою!
Ковры, ковры хорошіе
Персидскіе продаю!

КИНТО-РЫБОЛОВЪ

Отъ прадѣдовъ жизнь намѣчена.
На берега Орточальскихъ садовъ
Горячимъ сентябрскимъ вечеромъ
Кинто идетъ на уловъ.

Отъ берега тихо отчалитъ
И станетъ, гдѣ мелкая рябь,
А лодку его качаетъ
И баюкаетъ вѣтеръ-сентябрь.

Размахнувшись вправо и влѣво
Онъ быстрымъ движеньемъ руки.
Тяжелый шелковый неводъ
Бросаетъ на дно рѣки.

Еще вѣроломныя нити
На дно не успѣли лечь,
А форели сзываютъ митингъ
И безмолвную ведутъ рѣчь.

Кинто напѣваетъ трели
И съ рѣки не сводитъ глазъ —

Быть можетъ пара форелей
Любила другъ друга сейчасъ.

А вокругъ предвѣстники ночи —
Туманы къ землѣ ползутъ,
И кинто хочется очень
Оставить ночной свой трудъ.

Но семью кормить нечѣмъ...
И у этихъ сырыхъ береговъ
До завтрашняго вечера
Онъ долженъ держать уловъ.

И, утомленный скукой,
Онъ дремлетъ, свѣсивъ усы,
А лодка его баюкаетъ,
А ночь навѣваетъ сны.

Отдохнетъ онъ всю недѣлю...
Свой лотокъ въ убранствѣ розъ,
До краевъ наполнивъ форелью
Въ пятый разъ на базаръ понесъ...

А послѣ любимой женщинѣ
Онъ покажетъ пустой лотокъ
И купитъ ей обѣщанный
Большой персидскій платокъ.

ТИФЛИССКІЙ КУТЕЖЪ

Ладо Гудіашвили

Какъ мнѣ забыть картины близкія —
Тифлисъ далекій и родной,
Тушинскій сыръ, пучекъ редиски
И кахетинское вино,

И вздрагивающаго плечами
Съ подносомъ жестянымъ кинто...
Ай, не замѣнитъ мнѣ никто
Кутежъ въ духанахъ съ зурначами!

Извозчики летятъ какъ птицы,
Вскочилъ на козлы я уже,
И розы пьяныя на лицахъ,
И пѣснь — подруга кутежей.

Для горожанъ служа приманкой
Несемся мы — намъ чортъ не братъ!
И заливается шарманка,
Поетъ зурна, гудитъ набатъ.

Ай, пусть въ карманѣ ни гроша—
Давно хмѣльной намъ жребій данъ!
Жизнь радостна и хороша,
Ай, запоемъ мы: «Гулимъ-джанъ».

Подальше за городъ отъ всѣхъ
Кто и расчетливъ и не добръ!
И вьется пыльное шоссе,
Винтообразное какъ штопоръ.

И вдругъ на всемъ ходу мы станемъ.
Ай, тотъ не зналъ счастливыхъ дней,
Кто разъ у Бѣлаго духана,
Не останавливалъ коней...

Духанщикъ выйдетъ — сладкій голосъ
Весь въ шароварахъ — важный видъ,
Серебряный тяжелый поясъ
На животѣ его гремитъ.

Онъ скажетъ ласково — пѣвуче
«Ай, тквенисъ сулисъ чириме»
Къ его обычаю пріученъ
Ты возражать ему не смѣй!

Тифлисъ, Тифлисъ! Въ твоихъ духанахъ
Изъ выкрашенныхъ кувшиновъ
Течетъ, какъ кровь изъ свѣжихъ ранъ,
Густое красное вино.

Ай, пловъ съ барашкомъ нераздѣльны,
Сочится жирное ребро,
А въ глиняной тарелкѣ, въ зелени,
Блеститъ форель какъ серебро.

Ай, пой шарманка, пой зурна,
Какъ хороши въ черешняхъ розы!

Въ бокалы краснаго вина
Роняю медленныя слезы.

И тутъ-же, въ голубой бесѣдкѣ,
Меня одолѣваетъ сонъ...
Проснусь отъ щекотанья вѣтокъ,
Покрытыхъ утренней росой.

И вновь по гладкому шоссе
Я возвращаюсь въ пыльный городъ—
Тифлисъ, гдѣ радостенъ и молодъ
Я дни свои провелъ разсѣянные.

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА

Холодная. Но жажду молній,
Мерцаній трепетныхъ зарницъ.
И плещутся морскія волны
У береговъ ея рѣсницъ.

И блѣдныхъ губъ ея не тронетъ
Любви томительнѣйшій зной,
Но чашечки ея ладоней
Волнуютъ нѣжной бѣлизной.

Попросишь ласки — взглянетъ гнѣвно
И выпрямитъ дѣвичій станъ.
Я знаю: спящая царевна
Ты изъ печальной Айастанъ.

КОГДА ОСТАЛИСЬ ВДВОЕМЪ...

Когда остались вдвоемъ
Глаза взглянули строже...
Я знаю — тебѣ дороже
Спокойствіе твое.

Мы въ сердцахъ одно слово носимъ,
Какъ легкое пламя, какъ бремя...
Я въ апрѣлѣ предчувствую осень
И хочу оттянуть время.

Не правда ли — такъ хорошо:
Мы какъ будто только знакомые
И бросаемъ намековъ комья
Мы съ облегченной душой.

Я мечту о лѣтѣ лелѣю —
Тогда узнаешь — люблю ли?
И обоженный іюлемъ
Тебя августомъ ровнымъ согрѣю.

А когда сентябрь багряный
Любовь окровавитъ чуть-чуть
Я свои раскрытыя раны
Зимою одинъ залечу.

ВЪ КАЗИНО

Твоихъ бровей взмахъ
Какъ крылья птицы, вскрикнувшей отъ боли,
Твои плечи блестятъ и пахнутъ
Какъ лепестки магнолій.

Ты издали взглянешь — смотри чаще,
Чуть-чуть головку приподнявъ,
Твои волосы — густая чаща,
Промелькнувшая ночь среди дня.

Ты улыбнешься... спросишь: чей — ты?
И въ уголкахъ твоихъ губъ, какъ на пляжѣ
Русалки запляшутъ
И запоютъ флейты.

Я слышу тебя и вижу —
Издали... издали только,
Твой голосъ, какъ сладкій колоколъ —
Подойди ближе!

Пусть сверкаетъ казино
Расписанныхъ стѣнъ экзотикой

Оставь другихъ — сплутуй,
Все равно
Твоихъ губъ раскрытый зонтикъ
Не спасетъ тебя отъ зноя
Моихъ поцѣлуевъ
Разъ
Поцѣлуй,
Въ воздухъ
Дунь,
Я къ тебѣ иду
Черезъ мостъ духовъ,
Черезъ брызги струй
Твоихъ глазъ —
Разъ!
Издали... издали только,
Сядь за мой столикъ —
Ближе!
Въ твоихъ глазахъ огонь рыжій,
Какъ зрачки коня,
Какъ въ рюмкѣ моей коньякъ.

Отъ тебя пышетъ жаркой степью —
Вскинь наверхъ свой профиль острый!
Ты танцуешь ту-стэпъ,
Дрожатъ твои ноздри
И развѣвается грива
Твоей прически,
Твое плечо скидаетъ
Газовый шарфъ
Движеньемъ лѣнивымъ,
А въ потолкѣ сверкаетъ газовый шаръ.
Апплодисменты,
Гулъ,
Комплиментовъ дребедень,
Задыхаясь, ты поправляешь кружева и ленты,
Дышать больше нечѣмъ,
И на стулъ

Устало падаютъ плечи —
Какъ крылья лебедя,
Какъ лепестки магнолій.
А я, опьяненный внезапной пляской ухожу...
И за мной плетется ажурная
Тѣнь
Твоихъ рѣсницъ,
Мнѣ будетъ долго сниться
Запаха магноліи тѣло...
Я иду выплясывать свой будничній день
И недѣли...

СѢРНЫЯ БАНИ

Прохладой влажною обвѣянъ,
Вхожу подъ каменные своды
Свершать обряды омовенья
На жаркомъ лонѣ сѣрныхъ водъ.

Журчатъ горячіе ключи,
Въ туманѣ мраморныя ванны.
Тамъ ждутъ прислужники нирваны —
Полунагіе кисачи.

Роняетъ слезы потолокъ,
Столѣтней сыростью упитанъ...
По мраморнымъ ступаю плитамъ,
И вотъ на ложе навзничь легъ...

Съ одеждой я оставилъ волю —
Что хочетъ дѣлаетъ Гассанъ,
И жесткая его киса
Щекочетъ тѣло мнѣ до боли.

Обдастъ водою изъ ушата
И вскочитъ на спину — и вмигъ

Ломаетъ члены, какъ мясникъ...
Я весь разбитъ, я весь расшатанъ...

Едва опомниться успѣю,
Изъ мыльнаго онъ пузыря
Вдругъ облакомъ горячей пѣны
Обвѣетъ, ослѣпитъ меня.

Мгновенный обморокъ, потомъ
Лишь только свѣтъ я вижу тусклый...
Изнѣживающая истома
Медлительно разслабитъ мускулы.

Потомъ гортанный рѣзкій крикъ,
Пѣвуче повторенный эхомъ,
Всѣхъ возвѣститъ, что конченъ мигъ
Восточной часовой утѣхи.

Прислужникъ принесетъ путу
И, спеленавши какъ младенца,
Ведетъ на мягкую тахту,
Чтобъ кофемъ угостить турецкимъ.

И кейфствуюя вдохновенный,
Съ улыбкой праздною паши...
О дни совмѣстныхъ омовеній
Нагого тѣла и души.

Вечерніе теперь поклоны
Аллаху мудрому воздамъ.
Я покидаю, обновленный,
Не баню, а священный храмъ.

КУРА

Я упоенъ воспоминаньемъ
Той, улетѣвшей въ даль поры,
Когда я съ сладкимъ замираньемъ
Спускался къ берегамъ Куры.

Темнѣла ночь. Темнѣли своды.
Мостъ отъ движенія гудѣлъ,
А я какъ маніакъ глядѣлъ
На гулкія сырыя воды.

Мою любовь, мои моленья
Въ далекіе тѣ вечера
Въ какомъ-то грустномъ умиленьи
Я приносилъ тебѣ, Кура!

И много утекло воды
Съ тѣхъ поръ какъ я мечты лелѣю,
Но ни о чемъ я не жалѣю —
Гряди, судьба, аллаверды!

МРАВАЛ-ЖАМІЕ

Заздравный тостъ

М. М. Гингеръ, алла-верды Ал. Гингеру.

Желанные гости,
Подымайте тосты,
Осушайте рога до дна!
Старики и юноши, наливайте вина—
Пѣсенную жизнь возглашаемъ мы!
Мрàвал-жàміе, мрàвал-жàміе!

Солнечные лучи,
Въ землѣ холодные ключи,
Сверкаютъ, звучатъ день и ночь.
Каждый часъ какъ кинжалъ отточенъ,
Каждый день какъ послѣдній день провожаемъ мы!
Мравал-жаміе, мравал-жаміе!

Эй, будемъ здоровы!
День встрѣчаемъ новый
Да здравствуетъ недругъ и другъ!

Вино какъ кровь влейте въ мускулы рукъ —
Будемъ землю пахать и жать мы!
Мравал-жаміе, мравал-жаміе!

Единымъ кругомъ,
Острымъ плугомъ
Въ скалистую землю вонзимъ!
Радуйся армянинъ и грузинъ —
Земля какъ женщина наградитъ урожаемъ!
Мравал-жаміе, мравал-жаміе!

Земля раскалена,
Землетрясеньями пьяна,
Въ страстной лезгинкѣ трясется,
Кипятъ, пузырятся наши колодцы,
И въ сердцахъ таимъ палящій жаръ мы!
Мравал-жаміе, мравал-жаміе!

Свое счастье разъ куй!
И жизнь какъ пляску
Пропляши и держи компанію
Своей жены другому не уступай —
Недаромъ на животѣ носимъ кинжалъ мы!
Мравал-жаміе, мравал-жаміе!

А умремъ — все равно
Похоронятъ съ зурной!
Надъ могилой три дня и три ночи
Бейте зурначи, въ набатъ, — да погромче!
Чтобъ подъ землей въ послѣдній разъ услышать
ушами жадными
Мравал-жаміе, мравал-жаміе!

НАУРСКАЯ ЛЕЗГИНКА

Наурская лезгинка
Самый лучшій танецъ!
Вотъ скользитъ грузинка,
На щекахъ румянецъ.

Подымаетъ бровь —
Кавалеръ замѣтилъ,
И летитъ какъ вѣтеръ,
Отбивая дробь.

Руки за поясницу,
Кружится легко —
Рѣсницы къ рѣсницамъ,
И опять далеко.

Онъ повернетъ рѣзко,
Она пролетитъ какъ оса,
Развѣвается черкеска,
Развѣвается коса.

Вотъ опять настигъ —
И скрестились взоры.

И мотиву вторитъ
Рѣзкій вызовъ-крикъ.

А вокругъ прилежно
Отбиваютъ таши.
Какъ онъ ловко пляшетъ,
Какъ онъ обнялъ нѣжно!

Что есть лучше въ мірѣ
Ласки — паутинки?
Стройная тростинка,
Улыбнись мнѣ шире!

Я съ тобою рядомъ —
Вотъ онъ, серпъ брови...
И своей любви
Дашь мнѣ выпить яду?

Наурская лезгинка! —
Самый лучшій танецъ!
Какъ пожаръ — румянецъ,
И какъ ледъ — грузинка.

ВЪ ДУХАНѢ

Я научился слишкомъ рано
Тайкомъ, чтобы не зналъ никто
Спускаться въ погреба духана
И пить въ компаніи кинто.

За столикомъ всѣ лица пестро
Сольются въ призракѣ одномъ...
Движенье... ругань... Пахнетъ остро
Шашлычнымъ дымомъ и виномъ.

Любилъ, когда бутылки бьются,
И вдругъ появится органъ,
И звуки звонкіе польются
И смоютъ сладостный дурманъ.

Органъ, органъ! Молчи, довольно,
Все переполнилось у насъ!
И слезы радостно и больно
Вдругъ брызнутъ изъ горящихъ глазъ.

И тише ругань, смѣхъ и давка,
А я тайкомъ покину всѣхъ
И, расплатившись у прилавка,
Шатаясь, подымусь наверхъ.

ФОКСТРОТЪ И ЛЕЗГИНКА

Валентину Парнаху

Фокстротъ со вздрагиваньемъ плечъ,
Съ косымъ заламываньемъ ногъ,
Вчера родившійся въ Парижѣ
Мнѣ, можетъ быть, всѣхъ танцевъ ближе.

Я помню сумеречный вечеръ...
Кинто ведетъ обычный танецъ
Подъ мѣрное плесканье таши.
Вина густого полный рогъ
Въ его рукѣ. Онъ ловко кланяется,
А грудь его и плечи пляшутъ,
И онъ слѣдитъ: ни разу на полъ
Вино изъ рога не закапало.

Фокстротъ съ лезгинкой — это двѣ
Лихія страстныя подруги.
Кинто съ лоткомъ на головѣ
Выбрасываетъ въ воздухъ руки.

И, вздрогнувъ, продолжаетъ путь,
Трясется тѣло въ лихорадкѣ,

И ходятъ плечи, ходитъ грудь,
Спина и острыя лопатки.

Умѣло танецъ онъ ведетъ,
Лотокъ черешнями обвѣшанъ,
Но ни единая черешня
Съ его лотка не упадетъ.

Такъ я подлаживаясь въ тонъ,
Иную радость въ этомъ вижу...
Я пропляшу фокстротъ Парижа
Съ душой упрямою кинто.

МОЯ ТРОСТЬ

Въ вѣтвяхъ кизиловыхъ рощъ,
Среди скалъ, тупыхъ какъ желѣзо,
Тебя настигъ и срѣзалъ
Лезгина острый ножъ.

А потомъ въ своемъ аулѣ
Онъ въ огнѣ твой выправилъ ростъ,
И ровная какъ винтовки дуло
Изъ пламени родилась трость

И въ переулкахъ Батума
Я купилъ тебя черезъ годъ —
И, вѣчный шатунъ, въ раздумьи
На итальянскій сѣлъ пароходъ.

Провожающимъ улыбаясь взорамъ
Съ подарками, точно ханъ,
Я любовницамъ и кредиторамъ
Съ парохода тобою махалъ.

А когда по бульварамъ Парижа
Я иду, уставши отъ думъ,
Ты выстукиваешь — я это слышу —
И зовешь: тум-ба, тумъ, Ба-тумъ!

ПРИМѢЧАНІЯ

Айастанъ, армянск. слово, означаетъ: Арменія.

Алла-верды, турецк. — Богъ на помощь, Господь съ тобою; названіе популярн. кавказск. пѣсни.

Архалукъ, принадлежность армянскаго и грузинскаго костюмовъ, нѣчто въ родѣ русской поддевки.

Ай, твенисъ сулисъ чиримэ, — грузинск. слова, означаютъ: ай, горе вашей души — мнѣ.

Гулимъ-джанъ, грузинск., означаетъ: милое сердце; здѣсь названіе грузинской популярной пѣсни.

Духанъ, арабское, гостиница, на Кавказѣ — трактиръ.

Кинтаури — названіе грузинскаго танца.

Кинто, гуляка въ Грузіи, типъ апаша, только болѣе добродушный, славится весельемъ, беззаботностью и остроуміемъ.

Киса, персидск., особая перчатка изъ грубой персидской ткани, употребляемая при купаніи.

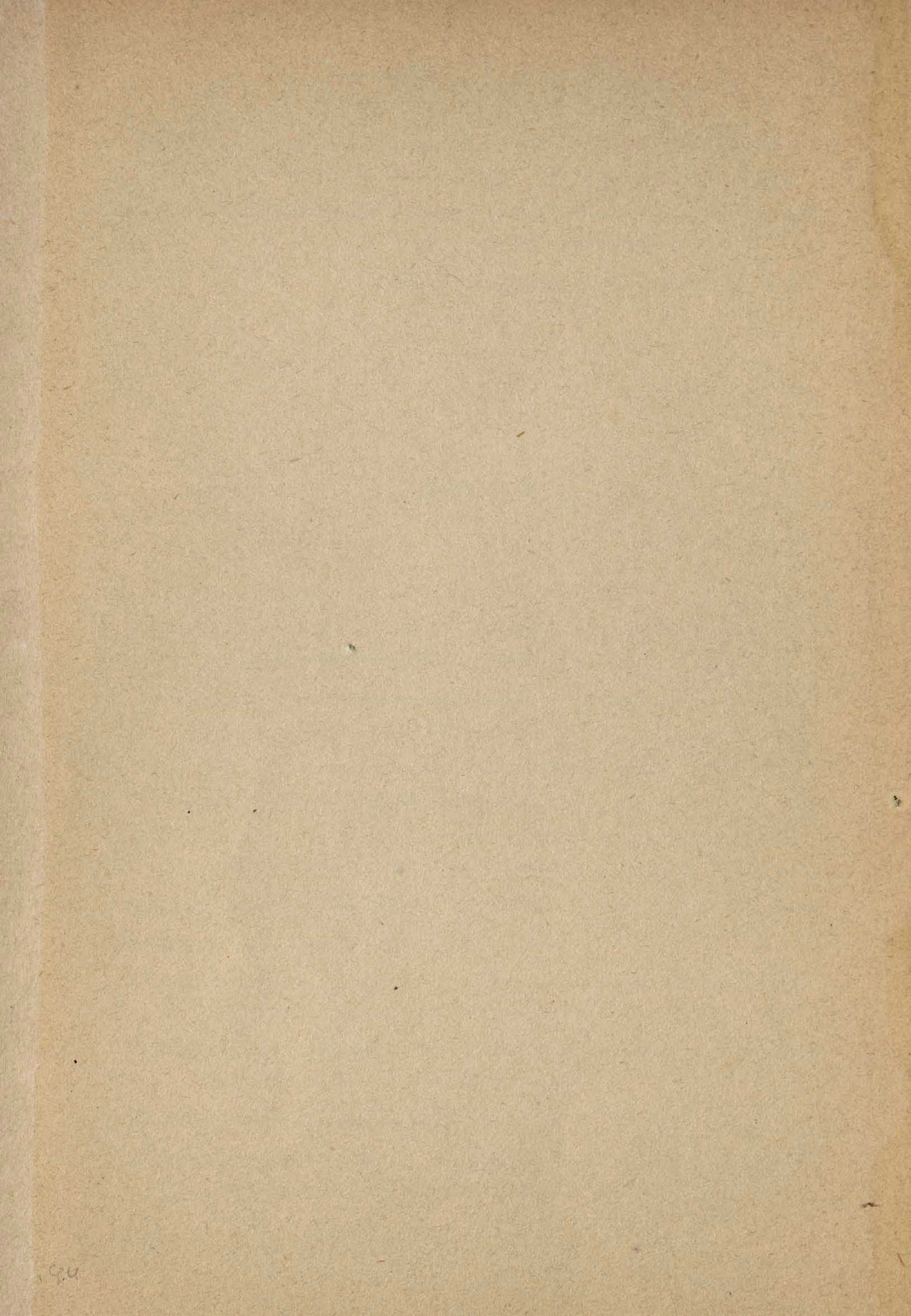
Кисачъ, персидск., мойщикъ.

Мравал-жаміе, грузинск., означаетъ: долгія лѣта; названіе популярной грузинской заздравной пѣсни.

Орточальскій — островъ въ Тифлисѣ, населенный рабочими и бѣднякамы; славится своими садами и духанами.

Пута, салфетка изъ мохнатой персидской ткани, которой купающіеся прикрываютъ наготу.

Таши, грузинск., букв: удары въ ладоши.

СОДЕРЖАНІЕ

Дѣтство, поэма 5

Кинто 14

Продавецъ ковровъ 16

Кинто-рыболовъ 18

Тифлисскій кутежъ 20

Спящая царевна 23

Когда остались вдвоемъ 24

Въ казино 26

Сѣрныя бани 29

Кура 31

Мравал-жаміе 32

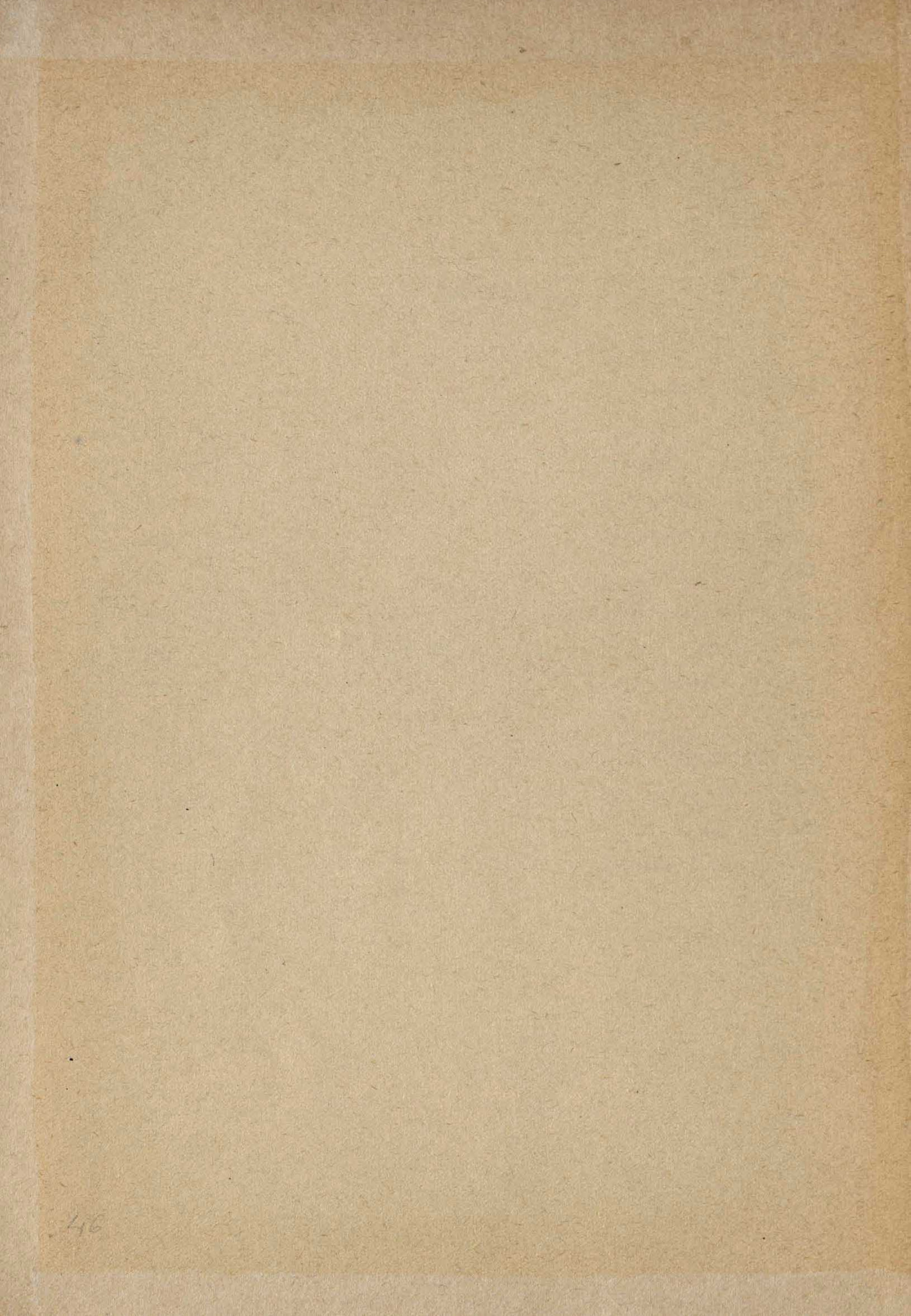
Наурская лезгинка 34

Въ духанѣ 36

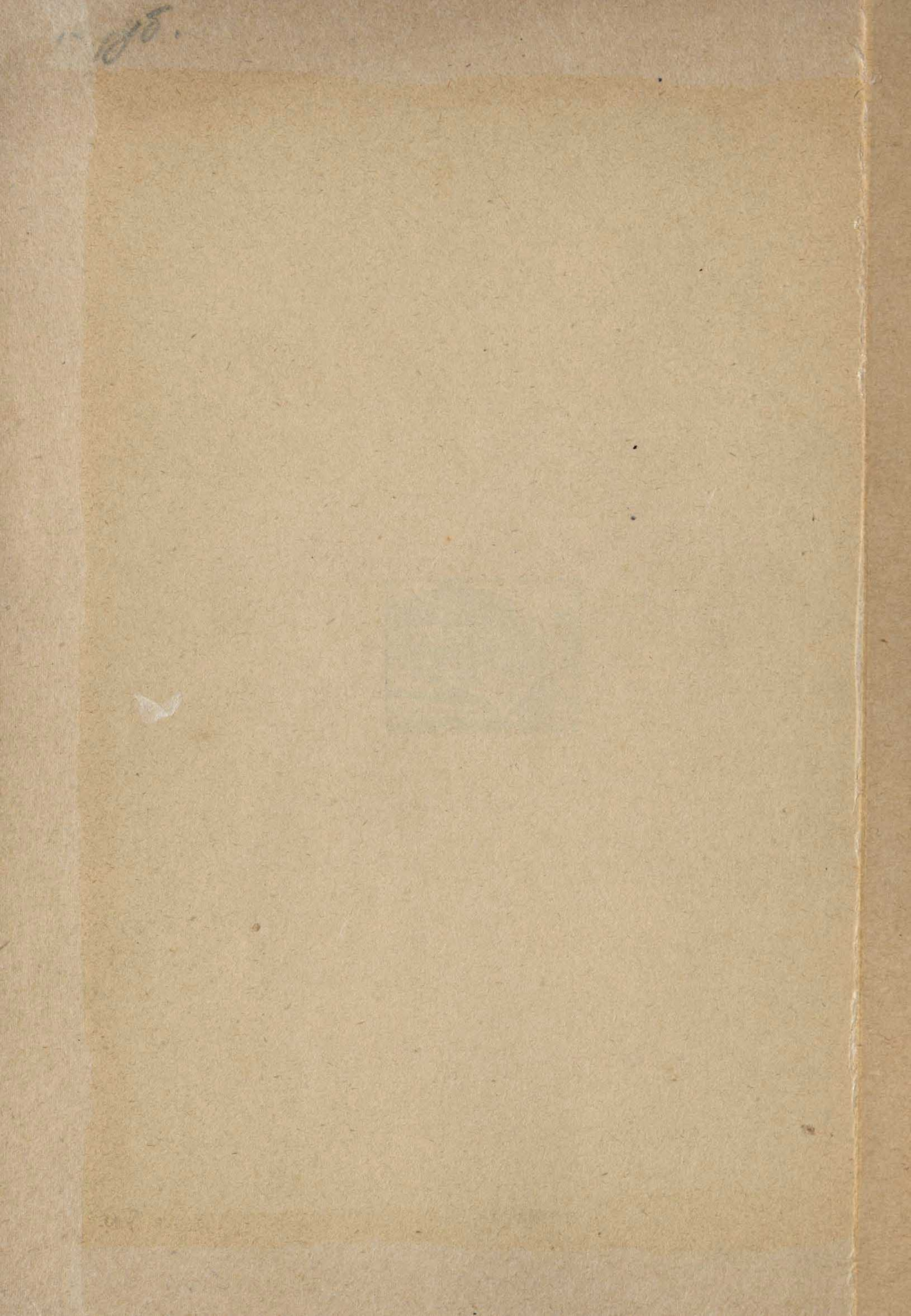
Фокстротъ и лезгинка 38

Моя трость 40

Примѣчанія 42

46

PRESSE FRANCO-RUSSE

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Société Anonyme de Presse, de Publicité et d'Éditions

22, Rue d'Anjou, Paris.